МЕНТАЛЬНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ

Россия в гибридной войне XXI века

ОЛЕГ ИВАНОВ

Олег Иванов

Ментальный суверенитет: Россия в гибридной войне XXI века

«Автор»
2026

Иванов О. Б.

Ментальный суверенитет: Россия в гибридной войне XXI века / О. Б. Иванов — «Автор», 2026

Почему государства, не пережившие ни одного танкового вторжения, за считаные месяцы погружаются в хаос? Как цветные революции превращаются в управляемый хаос, а санкции — в инструмент социальной инженерии? И главное: чем ответить на когнитивную войну, где поле боя — сознание каждого из нас?Политолог и публицист Олег Иванов разбирает механику гибридной агрессии Запада за четверть века: от технологий Джина Шарпа и фонда NED до астротурфинга, дипфейков, ментального геноцида, экономического «удава» и прокси-войны. Автор показывает, как Россия выстояла под комбинированным ударом. Вторая часть книги посвящена ответу: ментальному суверенитету, цифровой независимости, возрождению инженерной школы, контрнарративу для Мирового большинства и образу будущего, способному увлечь новое поколение.Это трезвый разговор о внутренних развилках страны: между мобилизацией и институтами, опекой и свободой, обороной и созиданием. Книга для тех, кто хочет понимать эпоху, а не поддаваться её манипуляциям.

© Иванов О. Б., 2026
© Автор, 2026

Олег Иванов
Ментальный суверенитет: Россия в гибридной войне XXI века

Введение

Война, у которой отменили объявление

На протяжении нескольких столетий европейской и мировой истории война обладала чёткой юридической и физической границей. Посол вручал министру иностранных дел ноту о разрыве сношений и заказывал карету до вокзала, пограничная стража срывала полосатые шлагбаумы, газеты выходили с экстренными шапками, а генеральные штабы вскрывали сургучные пакеты с расписанием мобилизации. У человека на улице не возникало ни малейших сомнений в том, в каком состоянии живёт его страна сегодня утром: в состоянии мира или в состоянии войны. Даже вероломное вторжение без дипломатического предупреждения, как это случилось на рассвете двадцать второго июня сорок первого года, проясняло картину в первые же минуты грохотом артиллерийской канонады и бомбами над спящими аэродромами.

Изобретение термоядерного оружия и межконтинентальных баллистических средств доставки закрыло эту классическую эпоху навсегда. Когда два крупнейших военных блока планеты накопили арсеналы, способные за сорок минут превратить Северное полушарие в оплавленную радиоактивную пустыню, лобовой поход танковых армий на столицу равновеликого противника утратил всякий политический смысл. Инстинкт борьбы за мировое первенство, контроль над торговыми проливами, сырьевыми кладовыми и чужими рынками при этом никуда не исчез. Энергия великодержавного столкновения, встретив бетонную плотину ядерного сдерживания, хлынула в обходные русла.

Поразительно, что точнее всех контуры этой новой эпохи за полвека до появления социальных сетей и киберкомандований разглядел русский военный мыслитель с трагической судьбой. В 1960 году в далёком Буэнос-Айресе бывший полковник Генерального штаба Русской императорской армии Евгений Эдуардович Месснер выпустил небольшим тиражом книгу под непривычным заглавием «Мятежевойна». Прошедший окопы Первой мировой и Гражданской войн старый генштабист писал, что в грядущих столкновениях исчезнет привычное деление на театр военных действий и мирный тыл, на регулярного солдата в мундире и гражданского обывателя. Воевать будут не на двухмерной географической карте за удержание высот и железнодорожных узлов, а в четырёхмерном пространстве, где главным измерением станет психика воюющего народа. Подкуп элит, разложение общественной морали, уличные беспорядки, экономический саботаж, партизанские диверсии и тонкая обработка умов сольются в непрерывный вязкий поток, у которого не будет ни торжественного начала, ни парадного мирного договора.

В те годы труды старого эмигранта казались многим кабинетным генералам причудливой публицистикой. В Вашингтоне и Лондоне, однако, схожую логику уже переводили на язык закрытых государственных директив. Достаточно открыть рассекреченный ныне документ Совета национальной безопасности США под индексом *NSC 20/1*, составленный в августе 1948 года при участии американских дипломатов и разведчиков под заголовком «Цели США в отношении России». Авторы этой бумаги с ледяной прямотой зафиксировали: базовые задачи Вашингтона по сдерживанию Москвы, сокращению её геополитического влияния и отрыву национальных окраин от исторического ядра остаются неизменными при любом внутреннем устройстве российского государства, будь оно коммунистическим или самым буржуазно-демократическим. Примечательна сама оговорка в тексте сорок восьмого года: добиваться этих

целей предполагалось методами, лежащими ниже порога большой прямой войны, через внутреннее изматывание и перестройку сознания противника.

Три четверти века спустя мы живём внутри материализовавшегося чертежа этой доктрины. Конфликт нового типа получил в современном словаре название гибридной войны. Его коварство кроется в распылённости удара: человека не убивают осколком у порога дома, но методично лишают финансового кислорода, отрезают его заводы от станков, переписывают школьный учебник его ребёнка, стравливают его с соседом по лестничной клетке в районном чате и вооружают обманутого единокровного брата по ту сторону границы. Страна может годами находиться под сокрушительным обстрелом и не догадываться об этом вплоть до того часа, когда несущие балки государственности вдруг складываются внутрь, словно изъеденные термитами стропила.

Фантом «доктрины Герасимова» и ловушка чужого зеркала

Прежде чем разбирать устройство направленной против России машины, стоит распутать один интеллектуальный подлог, который больше десяти лет затуманивал взгляд экспертам по обе стороны фронта. Если набрать слова «гибридная война» в любой западной университетской базе данных, поиск неизменно выдаст тысячи статей о так называемой «доктрине Герасимова». В изложении атлантических аналитических центров дело подавалось так, будто коварную науку непрямого сокрушения государств изобрели в Москве в начале десятых годов, чтобы тайно взламывать беззащитные западные демократии.

Подлинная история этого мифа напоминает злой водевиль. В январе 2013 года недавно назначенный начальник Генерального штаба Вооружённых сил Российской Федерации Валерий Герасимов выступил на общем собрании Академии военных наук с аналитическим докладом о характере современных вооружённых конфликтов, а в конце февраля того же года текст лекции напечатал профильный еженедельник «Военно-промышленный курьер» под сухим названием «Ценность науки в предвидении». Любой грамотный человек, потрудившийся прочесть газетную полосу от начала до конца, без труда видел предмет разговора. Российский военачальник препарировал свежий опыт «арабской весны» в Тунисе, Египте, Ливии и Сирии. Он пытался объяснить отечественным офицерам, каким образом вполне крепкие, обеспеченные государства Ближнего Востока и Северной Африки за считаные месяцы превратились в дымящиеся руины гражданской резни без классического вторжения иностранных сухопутных дивизий. Именно описывая западную практику свержения неугодных правительств, генерал привёл знаменитую пропорцию: в современных конфликтах объём невоенных мер (политических, экономических, информационных и гуманитарных) соотносится с применением военной силы примерно как четыре к одному, причём протестный потенциал местного населения целенаправленно разогревается извне в паре со скрытыми операциями сил специального назначения.

Год спустя, летом 2014 года, на фоне крымских событий британский исследователь российских силовых структур Марк Галеотти выложил любительский перевод этой статьи в своём личном блоге и прикрепил к ней подзаголовок «доктрина Герасимова» ради хлёсткой журнальной подачи. Словосочетание упало в перегретую почву западной медийной истерики и дало мгновенные всходы. Сенатские комиссии в Вашингтоне, штабные структуры НАТО в Брюсселе, редакции лондонских и берлинских газет обрели идеальное пугало. Под защиту от «всепроникающего русского гибрида» срочно учреждались центры передового опыта в Прибалтике и Скандинавии, выбивались многомиллионные оборонные ассигнования и раздавались академические гранты.

Самое забавное произошло весной 2018 года, когда сам Галеотти, ужаснувшись масштабу запущенной им мистификации, напечатал на страницах американского журнала *Foreign Policy* покаянную колонку под обезоруживающим заглавием «Простите, что я выдумал доктрину Герасимова». Британский политолог прямо написал, что никакой наступательной кремлёвской программы покорения мира в докладе тринадцатого года не существовало в помине,

что российский начальник Генштаба анализировал действия самого Запада и ставил задачу найти от них противоядие. Позднее раскаяние автора, разумеется, ничуть не смутило брюссельскую бюрократию: когда под вымышленный заговор уже свёрстаны бюджетные ведомости и расписаны генеральские должности, отменять удобный миф дураков нет.

Вся эта история поучительна для нас в двойном преломлении. На внешнем контуре она обнажает излюбленный психологический приём англосаксонской политической школы: приписать оппоненту собственные методы работы, чтобы заранее выдать свои наступательные операции за вынужденную самооборону. Куда тоньше урок внутренний. Нечего греха таить: в середине десятых годов некоторой части нашей околополитической публики даже нравилось читать переводные статьи западных газет, где Россию изображали демоническим гроссмейстером, способным парой остроумных картинок в социальной сети назначить президента Соединённых Штатов, организовать выход Великобритании из Евросоюза или поссорить Каталонию с Мадридом.

Подобное самообольщение обходится государству слишком дорого. Реальное соотношение гибридных потенциалов в начале схватки складывалось отнюдь не в пользу Москвы. Запад опирался на выстроенную за восемь послевоенных десятилетий планетарную инфраструктуру принуждения: монополию доллара и евро в мировых расчётах, контроль над клиринговыми палатами и морским страхованием, диктат технологических корпораций Кремниевой долины над алгоритмами глобальной речи, разветвлённую паутину десятков тысяч неправительственных фондов, рейтинговых агентств и прикормленных университетских кафедр по всему земному шару. Россия располагала несравнимо более скромным набором инструментов и долгое время действовала ситуативно, отбивая удары уже после того, как кризис разгорался у самых её пограничных столбов. Парадоксальным образом эта нехватка глобальных «костылей» сослужила нам добрую службу: лишённая соблазна верить в собственную непогрешимость, российская стратегическая мысль сохранила трезвый глаз и разглядела глубокое внутреннее гниение западного проекта задолго до того, как оно стало очевидным для всего остального мира.

Между конспирологией и карго-культом: анатомия отечественного благодушия

Серьёзному осмыслению гибридных угроз внутри самой России долгие годы мешала дурная поляризация общественного разговора, зажатого между двумя одинаково бесплодными крайностями. На одном полюсе шумела бульварная конспирология с её любовью к таинственным мировым кулисам, фальшивым цитатам вроде пресловутого «плана Даллеса» и готовностью объяснить происками заокеанских резидентур любую бытовую неурядицу, от разбитого асфальта в областном центре до хамства чиновника в приёмной. Такой вульгарный алармизм невольно обезоруживал общество: если противник всемогущ и вездесущ, а собственные провалы всегда списаны на чужих шпионов, человеку остаётся лишь развести руками или искать ведьм среди соседей.

На противоположном полюсе держала высокомерную круговую оборону публика, сформированная идейным климатом перестройки и девяностых годов. В этой столичной медийной и академической среде действовал строгий корпоративный этикет: всякое упоминание о целенаправленной подрывной работе западных спецслужб и правительственных фондов на постсоветском пространстве полагалось встречать снисходительной усмешкой. Нам на полном серьёзе предлагали поверить, будто после 1991 года геополитическое соперничество великих держав отменили за ненадобностью, на планете наступил благостный «конец истории», а тысячи иностранных грантодателей, советников по приватизации и политтехнологов трудятся от Минска и Киева до Бишкека и Москвы исключительно из филантропической заботы о правах человека и свободе печати.

Чтобы оценить степень этой добровольной слепоты, достаточно сопоставить её с тем, как Запад вёл себя с Россией в те самые годы её максимальной односторонней уступчивости. В девяностые годы Москва вывела войска из Центральной Европы и Прибалтики без серьёзных

материальных гарантий, пустила американских инспекторов на свои закрытые ядерные объекты, передала Вашингтону схемы прослушки собственного посольства в знак доброй воли и голосовала в ООН солидарно с западными столицами. Чем ответили партнёры на этот беспрецедентный жест доверия? Уже в 1997 году бывший советник президента США по национальной безопасности Збигнев Бжезинский в книге «Великая шахматная доска» буднично рассуждал о том, что наиболее удобным для мировой стабильности устройством России стала бы рыхлая конфедерация из Европейской России, Сибирской республики и Дальневосточной республики, параллельно формулируя железную аксиому американской стратегии: без контроля над Украиной Россия никогда не сможет вернуть себе статус великой евразийской державы.

Слова не расходились с делом ни на сутки. Под аккомпанемент дружеских похлопываний по плечу Североатлантический альянс в 1999 году втянул в свою орбиту Польшу, Венгрию и Чехию, демонстративно добил бомбардировками суверенную Югославию, а в 2004 году вышел с военной инфраструктурой вплотную к Пскову и Ленинградской области через республики Прибалтики. В самые кровавые месяцы борьбы России с международным террористическим подпольем на Северном Кавказе эмиссары боевиков принимались на министерском уровне в Лондоне и Варшаве, в западных газетах их именовали исключительно «повстанцами» и «борцами за независимость», а любые попытки Москвы навести конституционный порядок внутри собственных границ сопровождались угрозами санкций и трибуналов.

Никакой загадочной иррациональной русофобии за этим постоянством не стояло и не стоит. В политике такого калибра правят интересы и география. Однополярная система мирового господства, которую Вашингтон принялся возводить на обломках биполярного мира, по самой своей инженерной логике не терпит рядом с собой неподконтрольных центров силы. Францию или Японию можно легко встроить в эту пирамиду на правах зажиточных протекторатов, на чьей земле стоят американские военные базы. Встроить на таких условиях Россию невозможно физически. Держава, занимающая седьмую часть суши, соединяющая Европу с Тихим океаном и Арктикой, обладающая полным ракетно-ядерным паритетом с США, самодостаточной ресурсной базой и тысячелетним историческим кодом имперской государственности, самим фактом своего суверенного бытия ограничивает всевластие гегемона. Стоило Москве в начале двухтысячных годов уйти от края долговой пропасти, восстановить управляемость страны и на Мюнхенской конференции 2007 года спокойно заявить о неприемлемости однополярного диктата, как стратегия сдерживания России была переведена в режим тотальной гибридной осады на сокрушение.

Поле битвы: сознание и честный разговор без шор

Концептуальное закрепление этой новой реальности в официальном российском целеполагании произошло летом 2021 года, когда указом президента была утверждена обновлённая Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Документ зафиксировал принципиальный сдвиг: прямая крупномасштабная агрессия уступает место комплексному применению политических, экономических, информационно-психологических, правовых и диверсионных инструментов, направленных на подрыв государственного суверенитета, разрушение внутреннего единства и смену неугодных властей извне. Впервые в новейшей истории России защита традиционных духовно-нравственных ориентиров, исторической памяти и культурного суверенитета была поставлена в один ряд с боеготовностью ядерной триады и устойчивостью промышленности.

В этом уравнении нет ни грана публицистического преувеличения. Все материальные контуры гибридной войны (заморозка валютных резервов, отсечение от микроэлектроники, кибердиверсии, взрывы трубопроводов и финансирование уличной оппозиции) выполняют функцию тарана, расшатывающего ворота крепости, но конечной целью штурма неизменно выступает человеческое сознание. Территорию континентальной ядерной страны нельзя оккупировать морской пехотой, зато её жителей можно попытаться убедить в бессмысленности

сопротивления, привить им брезгливость к собственному Отечеству, стереть память об общих победах и заменить солидарность граждан войной всех против всех. Именно так без единого приграничного сражения в декабре 1991 года прекратил существование Советский Союз: первоклассные танковые дивизии и атомные подводные ракетоносцы оставались в полном боевом порядке, но битва за смыслы и картину мира в головах правящей номенклатуры и столичной интеллигенции к тому моменту была уже проиграна вчистую.

Отсюда вырастает центральное понятие предлагаемой читателю книги: ментальный суверенитет. Под ним понимается способность народа и его элиты самостоятельно осмысливать своё прошлое, оценивать настоящее и проектировать собственное будущее без чужих идеологических очков, сохраняя неприкосновенным то культурное и ценностное ядро, которое превращает миллионы разных людей в единую историческую общность. Защищать ментальный суверенитет вовсе не значит отгораживаться от мировой науки и культуры глухим частоколом или вводить казарменное единомыслие; это значит обладать здоровой иммунной системой, безошибочно отличающей живое развитие от смертельного вируса саморазрушения.

Когда в феврале 2022 года многолетнее превращение Украины в антироссийский военный плацдарм вылилось в открытое вооружённое столкновение, могло показаться, что эпоха тонких «войн без выстрелов» осталась позади. Выступая в январе 2023 года, министр иностранных дел Сергей Лавров ёмко заметил, что война Запада против нашей страны перестала быть гибридной и сделалась почти настоящей. На донбасском и курском чернозёме это ощущается буквально: против русского солдата работают натовские спутниковые группировки, штабные офицеры, бронетехника и дальнобойные ракеты. Однако горячий фронт не отменил невидимых фронтов гибридного противоборства, а лишь спаял их под высоким напряжением. Военная кампания решает задачу силовой безопасности на западных рубежах, тогда как битва за технологическую независимость, новые мировые торговые маршруты, финансовые контуры и умы следующего поколения россиян развёрнута на десятилетия вперёд и не завершится ни в день перемирия, ни через год после него.

Книга, которую вы держите перед собой, задумана как спокойная, документальная ревизия этой большой войны без шор и самообмана. Читатель, уставший как от крикливых заклинаний про «всемирный заговор», так и от наивных сказок о «благородном Западе», вправе рассчитывать на честный государственнический разговор. Признавать очевидные достижения России последних лет (стойкость финансовой и аграрной системы, разворот к странам Глобального Юга, пробуждение низовой народной солидарности и оборонной мысли) необходимо ровно с той же прямотой, с какой следует вскрывать наши собственные застарелые болячки: расплату за тридцать лет импортного иждивенчества в сложных технологиях, неповоротливость казённого информационного аппарата, опасность подмены живого патриотизма бюрократической отчётностью и острую нужду в привлекательном образе собственного будущего.

Логика изложения делит работу на две части. В первых четырёх главах мы последовательно разберём анатомию направленного против России гибридного проекта: эволюцию технологий смены режимов от ранних «цветных революций» до управляемого хаоса и алгоритмического террора; устройство когнитивного оружия и практику ментального геноцида; механику санкционного удушения и неожиданный геоэкономический ресурс России; логику прокси-войны и операций в «серой зоне». Вторая часть книги посвящена российскому ответу: сборке национального проекта ментального суверенитета, переходу от стратегической обороны к контрнарративу в экономике, военном деле и мировой политике, а также главным внутренним развилкам долгого противостояния. Начнём этот путь с того полигона, где западные инженеры государственных переворотов впервые перешли от лабораторных чертежей к перекройке постсоветского пространства.

Часть I. Анатомия гибрида: как это работает против России

ГЛАВА 1
От «цветных революций» к управляемому хаосу
Две сказки о площади и физика политического взрыва

Споры о природе государственных переворотов начала двадцать первого века годами топтались в плену двух одинаково плоских мифов. Первый из них родился в кабинетах ленивых охранителей, которым было смертельно неудобно признавать собственные управленческие грехи. В этой картине мира жила себе цветущая, довольная судьбой страна, народ беззаветно любил своё начальство, но однажды утром в столичном аэропорту приземлился самолёт с зарубежными политтехнологами, дипломаты раздали на площади пакеты с печеньем и пачки стодолларовых купюр, после чего одурманенные граждане ни с того ни с сего разнесли собственное государство.

Зеркальную сказку сочиняли либеральные публицисты и штатные летописцы западных фондов. На их полотнах изображалось непорочное пробуждение гражданской совести: десятки тысяч студентов, айтишников и мелких лавочников будто бы в едином стихийном порыве вышли в стужу постоять за честные суды и европейское достоинство. Каким чудом у этого стихийного собрания в первый же вечер обнаруживались единый брендбук, отпечатанные промышленным тиражом дождевики и флаги одного оттенка, эстрадная сцена стоимостью в полмиллиона долларов с автономными дизельными генераторами, круглосуточная полевая логистика, англоязычный пресс-центр, пул адвокатов и синхронные ультиматумы двадцати западных министерств иностранных дел, авторы романтической легенды предпочитали скромно умалчивать.

Между тем политическая инженерия не имеет ничего общего ни с демонологией, ни с рождественскими святочными рассказами. Любая успешная операция по неконституционному сносу власти работает в точности как двигатель внутреннего сгорания, где одинаково необходимы две разные субстанции: горючая смесь и сама железная конструкция мотора.

Горючее в стране-мишени всегда местного происхождения, причём самое настоящее, без всякой бутафории. Ни один гениальный резидент ЦРУ или МИ-6 не поднимет на уличный бунт сытый, уважающий свою власть мегаполис, где суды судят по праву, социальные лифты исправно возносят наверх талантливых детей из рабочей глубинки, а правящий слой ведёт себя скромно и разделяет тяготы со страной. Общественное раздражение копится годами из вполне осязаемых вещей: засилья несменяемых семейных кланов, вымогательства чиновников и силовиков, вызывающего барства нуворишей, бедности образованной молодёжи, которой вузы выдали дипломы, а экономика не дала осмысленного дела, и грубых, оскорбительных для человеческого достоинства манипуляций с избирательными бюллетенями.

Однако сам по себе народный гнев, разлитый по кухням и улицам, подобен луже бензина на асфальте. От брошенной спички такая лужа даёт яркую слепящую вспышку, обжигает брови случайным прохожим и выгорает за пять минут, не сдвинув с места даже пустой тележки. Чтобы энергия сгорания совершила механическую работу и повезла страну по заранее проложенному геополитическому маршруту, пары топлива нужно загнать в цилиндр под давлением, вовремя подать искру на свечу, а вращение вала передать на колёса через коробку передач. «Цветная революция» и есть такой внешний двигатель, спроектированный за рубежом и заблаговременно вмонтированный в общественный организм чужого государства.

Трагизм рядового участника массовки состоит в том, что его искренность используется втёмную. Учительница, инженер или первокурсник на зимней площади действительно мёрзнут против воровства и казённой лжи. Им невдомёк, что их благородное негодование учтено в смете как бесплатный энергоноситель, тогда как реальный экипаж машины сидит в тихих переговорных комнатах посольств и дорогих отелей, распределяя портфели экономического блока, списки приватизации стратегических предприятий и будущие соглашения о военном сотрудничестве. Когда толпа расходится по домам праздновать «победу свободы», она обычно

получает у руля другую олигархическую группировку, только теперь уже наглухо привязанную к внешнему кредитору.

От плаща и кинжала к бухгалтерии грантов: как переворот сделали респектабельным

Чтобы понять, откуда взялась эта утончённая механика, нужно вернуться в Вашингтон середины семидесятых годов прошлого столетия. Первую половину холодной войны Соединённые Штаты меняли неугодные правительства по старинке, силами оперативного директората ЦРУ и купленных латиноамериканских или ближневосточных полковников. В августе 1953 года операция «Аякс» свергла законного премьер-министра Ирана Мохаммеда Мосаддыка, посмевшего национализировать нефтяные промыслы; годом позже наёмники при воздушной поддержке американцев опрокинули президента Гватемалы Хакобо Арбенса, затронувшего плантации корпорации *United Fruit*; в сентябре 1973 года путчисты генерала Пиночета штурмовали президентский дворец Ла-Монеда в Сантьяго. Метод работал быстро, но оставлял слишком много крови и грязных следов.

В 1975 году в Сенате США начала работу специальная комиссия под председательством Фрэнка Черча, расследовавшая тайные операции американских разведывательных служб. На открытых слушаниях всплыли подробности заговоров с целью убийства иностранных лидеров, подкупа прессы и финансирования эскадронов смерти. Разразился грандиозный скандал, больно ударивший по главной моральной опоре американского влияния в мире, мифу о «сияющем граде на холме». Американскому стратегическому классу срочно потребовалась новая технология, позволяющая добиваться ровно тех же геополитических результатов, только при полном свете дня, без танков на перекрёстках и под аплодисменты правозащитников.

Институциональное решение созрело при администрации Рональда Рейгана. Летом 1982 года, выступая перед британским парламентом в Вестминстерском дворце, американский президент провозгласил курс на открытое содействие «инфраструктуре демократии» по всему земному шару, а в ноябре 1983 года Конгресс США учредил Национальный фонд в поддержку демократии (*NED*). Формально структура числилась частной некоммерческой организацией, хотя почти весь её бюджет формировался прямой строкой из государственной казны по линии Госдепартамента и информационного агентства США. Вокруг головного фонда выстроили четыре профильных крыла: Национальный демократический институт международных отношений, который долгие годы возглавляла Мадлен Олбрайт, Международный республиканский институт под бессменным председательством сенатора Джона Маккейна, профсоюзный центр при американской федерации труда и предпринимательский центр при Торговой палате США.

Истинное назначение этой витрины исчерпывающе сформулировал человек, стоявший у самой её колыбели. В сентябре 1991 года историк Аллен Вайнштейн, руководивший разработкой учредительных документов *NED* и исполнявший обязанности его первого президента, дал интервью обозревателю газеты *The Washington Post* Дэвиду Игнатиусу. В том разговоре прозвучала фраза, вошедшая во все хрестоматии политического реализма: значительную часть того, чем новый фонд занимается сегодня в открытую, двадцать пять лет назад тайно делало Центральное разведывательное управление. Перевод подрывной работы из секретных сейфов Лэнгли в публичные грантовые ведомости оказался гениальным бюрократическим ходом. Вербовка агентуры превратилась в «выдачу стипендий молодым лидерам», финансирование антиправительственной печати стало «поддержкой независимых медиа», а вмешательство в чужие выборы получило благородное имя «мониторинга электоральных процедур».

Параллельно с финансово-организационным каркасом ковалась прикладная тактика уличного боя без огнестрельного оружия. Её главным теоретиком выступил скромный бостонский исследователь Джин Шарп, основавший в том же знаменательном 1983 году Институт Альберта Эйнштейна. Изучив опыт кампаний Махатмы Ганди, рабочих стачек и европейского Сопротивления, Шарп вычистил из идеи ненасильственного протеста всякий толстов-

ский пацифизм и превратил её в сухой инженерный справочник по демонтажу государств. В его фундаментальном трёхтомнике и особенно в карманной брошюре 1993 года «От диктатуры к демократии» с приложением из ста девяноста восьми конкретных приёмов борьба за власть описана на языке уязвимостей и точек опоры.

Государство, рассуждал Шарп, никогда не висит в воздухе силой личного гипноза правителя. Оно опирается на несущие колонны: офицерский корпус армии, полицию, чиновничий аппарат, судейское сословие, государственное телевидение, духовенство и деловую элиту. Бросаться на эти колонны с охотничьими ружьями глупо, так как у власти всегда больше пулемётов и законное право применить их против мятежников. Действовать нужно методом «политического джиу-джитсу», выводя противника из равновесия его собственной тяжестью. Толпа должна быть подчёркнуто мирной, карнавальной и фотогеничной: в первых рядах перед щитами ОМОНа ставят студенток с цветами, стариков и оркестры барабанщиков, полицию изматывают бессонными сменами и высмеивают уличными клоунадами, а каждый случай жёсткого задержания мгновенно разносится мировыми телеканалами как свидетельство зверства режима. Тем временем за кулисами эмиссары ведут тихую душеспасительную работу с генералами, мэрами и олигархами, объясняя им, что режим обречён, а сохранность их заграничной недвижимости, счетов в цюрихских банках и дипломов их детей в Лондоне зависит от того, успеют ли они до полуночи перейти на «сторону народа».

Связующим звеном между бостонской университетской кафедрой и оперативным планированием Пентагона стал отставной полковник Разведывательного управления министерства обороны США Роберт Хелви, бывший военный атташе в Рангуне. Именно Хелви перевёл академические схемы Шарпа на язык штабных уставов: со структурой пятёрок и десяток, защищённой связью, психологической обработкой личного состава милиции и чётким календарным графиком наращивания давления к решающему дню. К исходу девяностых годов чертёж был полностью готов к серийным испытаниям на живых государствах.

Конвейер у границ России: от белградского чертежа до постсоветской дуги

Генеральная премьера нового оружия состоялась осенью 2000 года на Балканах. Годом ранее блок НАТО на протяжении семидесяти восьми суток утюжил крылатыми ракетами и бомбами мосты, нефтеперерабатывающие заводы, телецентр и жилые кварталы Югославии, однако политической цели не добился: президент Слободан Милошевич сохранил власть, а патриотический подъём лишь сплотил сербов вокруг Белграда. Прямое сухопутное вторжение в горную страну грозило альянсу тысячами гробов. Тогда Вашингтон передал подряд от авианосных групп мастерам электорального переворота.

Координационный штаб операции развернули в соседнем Будапеште под началом опытного американского дипломата Ричарда Майлза. Весной 2000 года в номерах будапештского отеля «Хилтон» полковник Роберт Хелви лично проводил многодневные закрытые тренинги для двух десятков молодых сербских активистов студенческого движения «Отпор». Через дипломатическую почту и курьеров на венгерско-югославской границе в страну закачали свыше сорока миллионов долларов на печать миллионов стикеров со знаменитым стилизованным чёрно-белым кулаком, закупку радиопередатчиков, финансирование муниципальных газет и объединение восемнадцати вечно переругавшихся оппозиционных партий в единый избирательный кулак.

Сценарий пятого октября 2000 года сработал как по нотам. Не дожидаясь второго тура президентских выборов, колонны из провинции во главе с колёсным бульдозером пошли на штурм союзной Скупщины и государственного телецентра в Белграде. Решающую роль сыграли отнюдь не студенты со свистками, а предварительные кулуарные договорённости западных посредников с начальником югославского Генштаба и командиром элитного подразделения спецназа «Красные береты» Милорадом Улемеком: силовики попросту расступились перед толпой. Несколько месяцев спустя свергнутого президента бывшей суверенной страны

упаковали и выдали в гаагскую камеру в обмен на обещание западной финансовой помощи, из которой Белград увидел лишь малую долю.

Окрылённые успехом лидеры «Отпора» Срджа Попович и Иван Марович быстро смекнули, какой золотой жилой обернулось их ремесло, и учредили в Белграде специализированный экспортный центр *CANVAS*, превратив свержение правительств в коммерческую франшизу. Машина двинулась прямо к границам Российской Федерации. Кураторы настолько уверовали в универсальность отмычки, что перебрасывали с места на место одних и тех же людей и даже ленились перерисовывать эмблемы.

Весной 2002 года послом США в Тбилиси был назначен всё тот же архитектор белградской операции Ричард Майлз. Вслед за ним в Грузию прибыли инструкторы сербского «Отпора», вышколившие местное молодёжное движение «Кмара» («Хватит!») под точной копией белградского трафаретного кулака. Финансовую подпитку параллельного подсчёта голосов и главного информационного тарана оппозиции, телекомпании «Рустави-2», взял на себя фонд Джорджа Сороса. В ноябре 2003 года после парламентских выборов толпа во главе с Михаилом Саакашвили беспрепятственно ворвалась в зал заседаний грузинского парламента, размахивая розами на длинных стеблях, а растерянный Эдуард Шеварднадзе допил свой остывший чай и подписал отречение. Страна, занимающая ключевой перекрёсток Закавказья, перешла под прямое внешнее управление: вскоре зарплату грузинским министрам и прокурорам начали официально доплачивать через структуры зарубежных донорских фондов.

Следующей мишенью в ноябре 2004 года стал Киев. Геополитическая ставка здесь была на порядок выше грузинской: речь шла о сорокапятимиллионной индустриальной республике, связанной с Россией единой энергетикой, кооперацией оборонных заводов и базированием Черноморского флота в Севастополе. Подготовка к украинской президентской кампании велась около трёх лет. По всей республике развернули молодёжную сеть «Пора» (в жёлтой и чёрной модификациях), прошедшую выучку у ветеранов сербского и грузинского переворотов. За месяцы до дня голосования западные социологические службы подготовили почву для единственно «правильного» результата экзитполов, радикально расходившегося с протоколами Центральной избирательной комиссии.

Когда ЦИК объявил о победе Виктора Януковича, Крещатик и площадь Независимости в течение нескольких часов покрылись правильными кварталами армейских отапливаемых палаток, биотуалетов, полевых кухонь и медицинских пунктов. Логистика снабжения работала с точностью армейского тыла НАТО: ежедневный подвоз десятков тонн продовольствия, дров, тёплой одежды, сменных матрасов и организованных автобусных колонн с запада республики оплачивался бесперебойно, в то время как мировые телеканалы *CNN*, *BBC* и *Euronews* держали над площадью круглосуточный защитный информационный зонтик. В Киев как к себе домой слетелись президенты Польши и Литвы Александр Квасьневский и Валдас Адамкус вместе с верховным представителем Евросоюза Хавьером Соланой. Под их открытым дипломатическим нажимом деморализованный Леонид Кучма запретил внутренним войскам очистить правительственный квартал, а Верховный суд Украины пошёл на вопиющее юридическое насилие над собственной Конституцией, сотворив не предусмотренный никаким законом «третий тур» голосования под диктовку улицы.

Уже в марте 2005 года волна докатилась до Центральной Азии, опрокинув в Бишкеке президента Киргизии Аскара Акаева в ходе «тюльпановой революции». Киргизский эпизод показал важную вещь: технология легко адаптировалась к любому местному колориту. Если в Киеве и Тбилиси ставку делали на прозападную городскую молодёжь и концерты рок-музыкантов, то в Бишкеке внешние операторы без всякой брезгливости оперлись на родоплеменные кланы юга страны, спортивные бригады и полукриминальную стихию столичных базаров, завершив смену власти ночным разгромом и мародёрством магазинов. Лишь два месяца спустя, в мае 2005 года в узбекском Андижане, конвейер впервые натолкнулся на жёсткий силовой

отпор: когда вооружённые исламистские группы захватили тюрьму и областную администрацию при мгновенном сочувственном вое западной прессы, Ташкент без колебаний применил регулярные войска, а затем выставил со своей территории американскую военно-воздушную базу в Ханабаде. В апреле же 2009 года в Кишинёве технологи опробовали промежуточную модификацию переворота, которую журналисты окрестили первой «твиттерной революцией»: собранная через социальные сети молодёжь разгромила и подожгла здания молдавского парламента и администрации президента, водрузив над ними флаги соседней Румынии и Евросоюза.

Московский экзамен и выработка государственного иммунитета

Ни у одного серьёзного аналитика в Москве не оставалось иллюзий насчёт того, ради кого на самом деле устраивались все эти приграничные учения. Санитарный кордон сжимался вокруг главной мишени, и попытка разыграть столичный переворот внутри самой Российской Федерации оставалась лишь вопросом подходящего электорального повода. Такой повод представился зимой 2011 и 2012 годов, на стыке выборов в Государственную думу и возвращения Владимира Путина на президентский пост.

Режиссёрская партитура на Болотной площади и проспекте Сахарова воспроизводила классические учебники до мельчайших штрихов. Нашлась собственная цветовая метка в виде белой ленты, заработала мощная сетка городских глянцевых изданий и популярных блогеров, убеждавших москвичей в том, что «приличные люди» обязаны выйти на бульвары, а за избирательными урнами якобы скрываются сплошные фальсификации. В одном оргкомитете технологам удалось временно спаять, казалось бы, несовместимую публику: бывших высокопоставленных чиновников ельцинского правительства девяностых годов, светских колумнистов в дорогих шубах, леворадикальных активистов и уличных националистов. Символичным кадровым штрихом стало прибытие в Москву в январе 2012 года нового посла США Майкла Макфола, стэнфордского профессора и признанного теоретика «демократического транзита», который прямо с трапа самолёта устроил в здании американского посольства в Спасо-Песковском переулке приём для всего актива уличной оппозиции.

И всё же в Москве отлаженная шарповская машина пробуксовала и заглохла. Провал объяснялся сразу тремя фундаментальными просчётами заказчиков, плохо знавших реальную внутреннюю социологию России.

Первым препятствием стала пропасть между сытой столичной тусовкой и огромной трудовой страной. Когда в феврале 2012 года на Поклонную гору в двадцатиградусный мороз вышли полтораста тысяч рабочих оборонных заводов, железнодорожников, учителей и врачей из регионов, стало наглядно видно, на чьей стороне находится историческое большинство. Провинциальная Россия обладала живой, кровоточащей памятью о катастрофе девяностых годов и безошибочно узнала на трибуне Болотной площади тех самых приватизаторов и олигархических обслуг, при которых останавливались шахты, распродавался флот и годами задерживались пенсии. Идти за этими вождями во вторую перестройку страна категорически отказалась.

Вторым решающим фактором оказалось качество самой российской государственности, ушедшей далеко вперёд от полураспадных, погрязших в долгах аппаратов Шеварднадзе, Кучмы или Акаева. У Москвы имелись суверенные золотовалютные резервы, обновлённая вертикаль управления и консолидированный силовой блок, не поддавшийся ни на уговоры, ни на шантаж. Убедительная победа на мартовских президентских выборах 2012 года сняла вопрос о легитимности власти, а когда шестого мая, накануне церемонии инаугурации, радикальное ядро протестующих пошло на заранее спланированный силовой прорыв полицейского оцепления у Большого Каменного моста с кусками асфальта и дымовыми шашками, государство жёстко и в строгом соответствии с законом пресекло беспорядки, возбудив уголовные дела против непосредственных зачинщиков драки. Ставка на раскол правящего слоя и паралич правоохранительных органов потерпела крах.

Главное же состояло в том, что российская власть сделала из зимней репетиции системные институциональные выводы, не дожидаясь следующего избирательного цикла. Уже летом 2012 года был принят закон об иностранных агентах, обязавший структуры, занимающиеся политической деятельностью на зарубежные деньги, открыто маркировать свой статус перед гражданами. Осенью того же года по прямому требованию МИД России свою двадцатилетнюю работу на территории нашей страны прекратила миссия агентства *USAID*, через которую распределялись сотни миллионов долларов грантового финансирования в регионах. Следом был запущен процесс национализации элит, законодательно запретивший чиновникам, депутатам, сенаторам, судьям и сотрудникам силовых ведомств владеть счетами и финансовыми инструментами в иностранных банках, что выбило из рук западных кураторов их любимый крючок личного шантажа. А весной 2015 года вступил в силу закон о нежелательных организациях, и первую строчку в запретном реестре Генеральной прокуратуры по праву занял тот самый Национальный фонд в поддержку демократии (*NED*).

Теория песочной лавины: переход от бархата к большой крови

Осечка на московских площадях совпала с глубоким разочарованием вашингтонских планировщиков в самой модели ненасильственных «цветных» переворотов. Выяснилась неприятная для гегемона закономерность: карнавальный майдан отлично справляется со свержением слабого президента, но совершенно не меняет ни географии страны, ни структуры её заводов, ни вековых человеческих связей населения. Как только схлынет уличная эйфория, новым вождям приходится топить котельные, закупать газ и продавать продукцию своих предприятий на естественных соседних рынках.

Украина первой волны продемонстрировала этот эффект со всей беспощадностью. Триумфатор «оранжевой» зимы 2004 года Виктор Ющенко потратил пять лет на яростную грызню со своей бывшей соратницей Юлией Тимошенко, коррупционные скандалы и безуспешные попытки навязать юго-востоку страны культ Степана Бандеры. К президентским выборам января 2010 года рейтинг кумира Майдана рухнул до унизительных пяти с половиной процентов, а победу в честном голосовании, подтверждённом наблюдателями ОБСЕ, одержал тот самый Виктор Янукович, против которого пятью годами ранее городили палаточный лагерь. С точки зрения долгосрочных вложений Вашингтона получался обидный пшик: сотни миллионов долларов сожжены впустую, а Киев снова подписывает Харьковские соглашения о продлении базирования Черноморского флота России до сорок второго года.

Из этого фиаско американские стратеги извлекли радикальный и кровавый урок. Чтобы оторвать пограничную страну от России необратимо, недостаточно вежливо поменять портрет в президентском кабинете. Нужно взорвать сам фундамент её нормальной жизни, пролить столько взаимной крови и сжечь за собой все мосты так основательно, чтобы возврат к добрососедству сделался психологически и политически невозможным на десятилетия вперёд. На смену бархатному шарповскому перевороту пришла доктрина управляемого хаоса.

Теоретическое обоснование этого варварского метода появилось на страницах официальной американской военной печати задолго до киевских костров из автомобильных покрышек. Осенью 1992 года ведущий журнал Военного колледжа армии США *Parameters* опубликовал программную статью кадрового дипломата Госдепартамента и специалиста по советским делам Стивена Манна под названием «Теория хаоса и стратегическая мысль». Манн предложил перенести в геополитику математическую модель «самоорганизованной критичности», разработанную физиками на примере обыкновенной кучи песка. Пока песок сыплется тонкой струйкой, конус растёт устойчиво, но в определённый момент склоны достигают критического угла крутизны. После этого падение всего нескольких песчинок в уязвимые точки вызывает цепную лавину, обрушивающую всю конструкцию.

Вывод, который Стивен Манн делал для внешней политики Соединённых Штатов, отличался ледяным прагматизмом: всеобщее стремление к стабильности является вредным

предрассудком. Если крупный регион не желает добровольно перестраиваться под американский порядок, Вашингтон обязан целенаправленно расшатывать критические точки напряжения внутри целевых обществ (этнические трещины, религиозные обиды, поколенческие конфликты), запускать лавину хаоса и снимать геополитический урожай на развалинах. Сам автор этой концепции вскоре получил карт-бланш на практическую работу, заняв ключевые посты в Госдепартаменте по делам Центральной Азии и каспийской энергетики. А в 2011 году доктрина управляемого хаоса во весь рост прокатилась по Северной Африке и Ближнему Востоку, превратив процветавшую социальную Джамахирию Муаммара Каддафи в территорию работорговли и войны племён, а светскую Сирию бросив в многолетнюю мясорубку международного терроризма.

Зимой 2013 и 2014 годов ту же самую технологию управляемого обрушения безжалостно применили к Украине. В первые ноябрьские вечера на киевской площади ещё играли в старую студенческую романтику с термосами и европейскими флажками. Однако за фасадом дискотеки уже стояла жёсткая военизированная структура подготовленных в западных и прибалтийских лагерях неонацистских сотен. Заместитель госсекретаря США Виктория Нуланд, выступая в декабре 2013 года в Национальном пресс-клубе в Вашингтоне на фоне логотипа нефтяной корпорации *Chevron*, буднично отчиталась о пяти миллиардах долларов, вложенных американским правительством в украинскую политическую перестройку с 1991 года, а в начале февраля 2014 года в попавшем в печать телефонном разговоре с послом США в Киеве Джеффри Пайеттом лично расставляла фигуры в будущем украинском кабинете министров, сопроводив заминку своих европейских союзников коротким нецензурным проклятием в адрес Евросоюза.

Двадцать первого февраля 2014 года дипломатический маскарад завершился окончательно. Днём министры иностранных дел Германии, Франции и Польши торжественно заверили своими подписями компромиссное соглашение между президентом Украины и лидерами парламентской оппозиции о досрочных выборах и конституционной реформе, а уже через несколько часов вооружённые отряды радикалов при гробовом молчании западных гарантов пошли на захват административных зданий. Предшествовавший этому прицельный огонь неизвестных снайперов на Институтской улице из зданий, контролировавшихся комендатурой самого Майдана, когда пули намеренно укладывали рядом безоружных милиционеров и уличных демонстрантов, выполнил зловещую функцию ритуального кровопускания. Любое расследование этой стрельбы новые киевские власти саботировали годами по очевидной причине: снайперы закрывали путь к мирному политическому разрешению кризиса.

Последующие события весны четырнадцатого года, от безнаказанного сожжения десятков людей второго мая в одесском Доме профсоюзов до отправки танков и штурмовой авиации против жителей Славянска, Луганска и Донецка, поставили точку в эволюции постсоветских переворотов. Заказчикам в Вашингтоне больше не нужна была устойчивая, хозяйственно успешная Украина даже под западным протекторатом. Им требовалось государство-камикадзе со сломанным инстинктом самосохранения, повязанное кровью гражданской войны и готовое сгореть дотла ради нанесения максимального ущерба России.

Цифровой рой, травля семей и дистанционный террор двадцатых годов

Пока Украина погружалась в воронку горячей прокси-войны, сама инженерия внутренней дестабилизации совершила на рубеже двадцатых годов ещё один технологический скачок, продиктованный тотальным проникновением смартфонов и алгоритмических платформ. У классических майданов начала века имелись два родовых уязвимых места, хорошо изученных службами безопасности суверенных стран: привязка протеста к одному центральному пятачку столицы и наличие публичных партийных вождей на сцене. Площадь научились блокировать по периметру без картинки жестокого разгона, а узнаваемых лидеров можно было нейтрали-

зовать заранее, перекупить должностями или расколоть на личных амбициях. Цифровые мессенджеры позволили вынуть из схемы оба этих элемента разом.

Первую обкатку сетевого «роевого» протеста провели весной 2018 года в Ереване. Вместо сидения в одном палаточном городке десятки небольших мобильных групп студентов и старшеклассников по сигналу в смартфонах одновременно перекрывали скамейками и мусорными баками ключевые транспортные развязки столицы Армении, рассыпаясь по переулкам при приближении полиции и собираясь через десять минут на соседнем перекрёстке. Городской организм впадал в тромбоз при минимальной численности самих блокировщиков.

На полную же мощность цифровая модель третьего поколения развернулась в августе 2020 года в Белоруссии. Когда основные фигуры оппозиционной президентской гонки оказались за пределами страны или в следственных изоляторах, уличная масса не разошлась в растерянности, потому что функцию коллективного полевого штаба взяла на себя редакция Telegram-канала *NEXTA*, физически размещённая в Варшаве под прямым кураторством подразделений информационно-психологических операций Войска Польского. Люди за мониторами за сотни километров от Минска управляли десятками тысяч человек в режиме диспетчерской службы такси: каждые пятнадцать минут в канал сбрасывались карты обхода милицейских кордонов, точки сбора в спальных микрорайонах и графики ночных акций по изматыванию гарнизона.

Белорусский кризис впервые в постсоветской истории продемонстрировал и качественно новое оружие психологического слома государственного аппарата, организованный цифровой террор против семей. Специально созданные доксинговые ресурсы вроде «Чёрной книги Беларуси», наполнявшиеся через взлом ведомственных баз и завербованных клерков сотовых компаний, ежедневно выкладывали в открытый доступ домашние адреса, номера квартир, мобильные телефоны, марки личных машин и маршруты в школу детей белорусских сотрудников ОМОНа, следователей, судей, журналистов государственного телевидения и рядовых школьных учительниц, работавших в избирательных комиссиях. Вечером такому человеку поступали сотни звонков с обещаниями облить кислотой жену в подъезде или покалечить ребёнка по дороге с уроков. Благообразная бостонская теория Джина Шарпа о «ненасильственном расшатывании опор режима» сбросила академическую маску и предстала обыкновенным шантажом заложниками.

Ещё опаснее оказалась мутация, которую постсоветский мир увидел в первые дни января 2022 года в Казахстане. Там технологи скрестили законное бытовое недовольство с заранее подготовленным вооружённым подпольем. Поводом послужил резкий скачок цен на сжиженный автомобильный газ на западе республики, в Мангистауской области, где люди вышли на традиционные экономические митинги. Однако спустя сорок восемь часов эпицентр событий непостижимым образом переместился за две тысячи километров на юго-восток, в крупнейший мегаполис страны Алма-Ату. В город синхронно вошли дисциплинированные боевые пятёрки со своей закрытой радиосвязью. Вместо выдвижения политических деклараций они приступили к штурму оружейных складов полиции и управлений Комитета национальной безопасности, захвату телевышки и международного аэропорта, причём высокопоставленные руководители казахстанской спецслужбы в решающие часы отдали приказ своим подчинённым покинуть здания без боя. Страна, имеющая с Россией самую протяжённую в мире непрерывную сухопутную границу длиной в семь с половиной тысяч километров, стояла в одном шаге от кровавой ливийской воронки ровно за семь недель до начала боевых действий на Донбассе. Мгновенная переброска миротворческого контингента ОДКБ с ведущей ролью российских воздушно-десантных войск потушила этот бикфордов шнур за трое суток.

Лучшим доказательством того, какое первостепенное значение Запад по-прежнему придаёт сохранению своей грантовой агентуры, стала бурная драма 2023 и 2024 годов в Грузии. Руководство в Тбилиси, трезво посчитавшее катастрофические последствия возможного втя-

гивания республики во «второй фронт» против России, решилось принять предельно травоядный закон о прозрачности иностранного влияния. От неправительственных организаций и медиа, получающих более двадцати процентов бюджета из-за рубежа, требовалось всего лишь раз в год заполнить открытую финансовую декларацию без всяких запретов на работу или поражения в правах. Реакция Вашингтона и Брюсселя напоминала истерику карманника, которого схватили за руку в трамвае: посыпались персональные санкции против грузинских парламентариев, заморозка европейской интеграции, прямые выходы министров иностранных дел стран Прибалтики на антиправительственные баррикады на проспекте Руставели и штурмы парламента с пиротехникой. При этом в самих Соединённых Штатах с 1938 года действует драконовский закон о регистрации иностранных агентов (*FARA*), предусматривающий за работу в интересах зарубежного заказчика без уведомления Министерства юстиции пять лет федеральной тюрьмы. Ярость Запада объяснялась предельно просто: высвечивание денежных проводок лишает кураторов невидимости, а без разветвлённой грибницы «независимых НКО» запускать сетевой рой в час икс становится нечем.

Что же касается самой России, то после ликвидации легальной грантовой инфраструктуры внутри страны противник перестроил работу по принципу дистанционной осады и «тысячи мелких порезов». Надежда собрать стотысячную толпу у стен Кремля сдана в архив как утопическая; ей на смену пришла кропотливая алгоритмическая охота за локальными очагами раздражения. Из медиацентров в Риге, Вильнюсе, Праге, Варшаве и Берлине управляются тысячи мимикрирующих под местные паблики региональных, городских и даже домовых каналов. Любая реальная бытовая беда (прорыв изношенного коллектора в сибирском городе, спор вокруг вырубки сквера, задержка выплат, межнациональная драка на рынке или естественная тревога матерей и жён мобилизованных бойцов) мгновенно подхватывается сеткой ботов, упаковывается в эмоциональные видеоролики и разгоняется алгоритмами видеохостингов с единственной целью: превратить частную проблему в ненависть к государству как таковому.

На самом дне этой цифровой воронки политическая манипуляция в последние годы окончательно срослась с уголовным и диверсионным террором. Развёрнутые на украинской территории при методической поддержке западных спецслужб сети телефонных и мессенджерных кол-центров поставили на поток конвейерную вербовку «одноразовых исполнителей» внутри России. Сначала у пожилого человека, одинокой женщины или подростка выманивают сбережения и вгоняют жертву в состояние острого психологического ступора, а затем под видом «следователей» или за мелкое вознаграждение в криптовалюте отправляют с бутылкой зажигательной смеси к релейному шкафу на железной дороге, трансформаторной подстанции или дверям военкомата. Диверсант XXI века зачастую даже не знает геополитических лозунгов своего куратора; им управляют через экран телефона как биороботом.

Оглядывая этот четвертьвековой путь от романтических студенческих значков в будапештском отеле и бархатных роз в Тбилиси до снайперов на Институтской улице, доксинга детей минских учителей и телефонных кураторов поджогов в русских городах, мы видим неумолимую деградацию форм при полной неизменности цели. Уличная массовка, сетевой рой и завербованный поджигатель выступают лишь наконечником копья. Чтобы копьё вошло в плоть страны, металл сознания должен быть предварительно отпущен и размягчён. Прежде чем человек выйдет крушить собственное государство, кто-то должен переписать его память, отравить его язык и лишить его нравственного иммунитета. О том, как устроена эта глобальная индустрия когнитивного поражения, пойдёт речь во второй главе.

ГЛАВА 2
Информация как оружие поражения
От агитационной листовки к взлому коры головного мозга: рождение шестого домена

Классическая пропаганда двадцатого столетия при всём своём размахе оставалась наследницей века Просвещения и книжной культуры. Британское бюро в Крю-Хаусе времён Первой мировой войны, радиостанции эпохи холодной войны вроде «Голоса Америки» и мюнхенской «Свободы», иллюстрированные журналы и забрасываемые через линию фронта листовки обращались к рассудку человека. Противника пытались переспорить: убедить его в том, что сводки его командования занижают потери, что рыночная витрина богаче планового распределения, а политическое устройство Запада справедливее советского. У такого воздействия имелся естественный защитный барьер. Взрослый читатель или радиослушатель с твёрдыми убеждениями и хорошим школьным образованием сопоставлял факты, ловил агитатора на передёргиваниях и оставался при своём мнении. Информация служила всего лишь почтальоном, доставлявшим спорный политический тезис.

На переломе двадцатого и двадцать первого веков союз нейробиологии, поведенческой психологии и больших данных похоронил эту старомодную модель. Работы психологов уровня Даниэля Канемана наглядно объяснили военным планировщикам устройство двух контуров человеческого мышления: медленного аналитического разума, требующего усилий и сосредоточенности, и мгновенной эмоционально-рефлекторной системы, срабатывающей за доли секунды на страх, отвращение, смех или стадный инстинкт. Параллельно в ладони каждого жителя планеты поселился смартфон с бесконечной алгоритмической лентой, к экрану которого среднестатистический горожанин прикасается до ста пятидесяти раз в сутки.

Для спецслужб и военных стратегов открылась головокружительная перспектива. Спорить с человеком на этаже медленной логики больше не нужно: это утомительно, дорого и не гарантирует успеха. Куда надёжнее бить короткими дофаминовыми и адреналиновыми импульсами прямо в дорефлексивную зону мозга, перегружая нервную систему потоком тревожных образов до тех пор, пока критическое мышление не отключится от переутомления. Опыт британского оборонного подрядчика *SCL Group* и его дочерней структуры *Cambridge Analytica* показал, что по нескольким десяткам цифровых следов и отметок «нравится» в социальной сети алгоритм составляет психологический портрет избирателя точнее, чем его родная мать или супруга, после чего подбирает индивидуальный ключик к его личным фобиям и обидам. Объект такой обработки искренне полагает, будто сам додумался до политического вывода, хотя его провели за руку по заранее размеченному коридору реакций.

Ещё с начала десятых годов Агентство перспективных оборонных исследовательских проектов Пентагона (*DARPA*) перевело эти наблюдения в разряд строгого военного заказа, запустив исследовательскую программу *Narrative Networks* («Нарративные сети»). Военные нейробиологи на томографах изучали, какие именно сюжетные конструкции отключают у испытуемого скептицизм, вызывают выброс окситоцина или ярости и заставляют группу людей действовать вопреки инстинкту самосохранения. Предварительную почву для такого оружия идеально взрыхлила сама цифровая индустрия коротких вертикальных роликов: человек, приученный переключать внимание каждые двенадцать секунд, физически утрачивает навык чтения длинного текста и удержания сложных причинно-следственных связей. Сознание дробится на яркие бессвязные вспышки, которыми внешний оператор вертит как стёклышками в детском калейдоскопе.

Осенью 2020 года и в январе 2021 года эта технологическая революция обрела статус официальной военной доктрины Североатлантического альянса. Инновационный хаб НАТО на военно-морской базе в американском Норфолке опубликовал фундаментальный доклад *Cognitive Warfare* («Когнитивная война»), подготовленный бывшим французским офицером и специалистом по когнитивным наукам Франсуа дю Клюзелем. На сорока пяти страницах натовского документа вещи названы своими именами с редкой для западной бюрократии прямотой. К пяти традиционным пространствам вооружённой борьбы (суше, морю, воздуху, космосу и киберсреде) альянс добавил шестую оперативную сферу: человеческий разум.

Формулировки норфолкского доклада читаются как обвинительное заключение против самих его авторов. Кибервойна направлена на взлом компьютеров и сетей связи; когнитивная война направлена на взлом самого человека, сидящего по ту сторону экрана. Целью когнитивных операций, чёрным по белому фиксирует дю Клюзель, выступает нанесение вреда целым обществам, а вовсе не только вооружённым силам противника. Мозг объявляется главным театром военных действий двадцать первого века, где потенциальной мишенью и одновременно невольным оружием становится каждый гражданский человек независимо от возраста, пола и профессии. В сопутствующем исследовании натовских экспертов Огюста Коула и Эрве Ле Гийядера эта сверхзадача описана ещё откровеннее: вырастить внутри враждебной страны «встроенную пятую колонну», участники которой даже не подозревают, что действуют по чертежам зарубежного штаба.

Тем самым западная военная мысль официально отменила женевский принцип разграничения комбатантов и мирного населения в информационно-психологическом пространстве. Школьник на перемене, домохозяйка в родительском чате, инженер оборонного завода и пенсионер у телевизора приравнены к законным военным целям круглосуточной бомбардировки сознания.

Синтетическая толпа и физиология насмешки: астротурфинг и меметические залпы

Как эта доктринальная установка переводится на язык ежедневных боевых действий в сети? Первым эшелоном в атаку идёт технология искусственного общественного мнения, получившая в англоязычной социологии меткое прозвище «астротурфинг». Слово происходит от коммерческого бренда *AstroTurf*, выпускающего рулонное пластиковое покрытие для стадионов. Настоящее низовое народное движение в английском языке называют «корнями травы» (*grassroots*). Когда живая трава народного протеста расти отказывается, политтехнологи раскатывают поверх бетона изумрудный синтетический ковёр, который с трибуны выглядит совсем как настоящий газон.

Психологический механизм астротурфинга эксплуатирует фундаментальную потребность человека принадлежать к стае, изученную ещё в классических лабораторных опытах Соломона Аша и описанную немецким социологом Элизабет Ноэль-Нойман как «спираль молчания». Оказавшись в комнате, где десять подставных актёров уверенно называют белую карточку чёрной, треть вполне здоровых испытуемых начинает сомневаться в собственном зрении и повторяет чужую ложь, чтобы не прослыть белой вороной. В цифровой среде роль такой комнаты выполняют секции комментариев под резонансными новостями, городские паблики и обсуждения в мессенджерах.

Едва в российском информационном поле случается болезненное событие (техногенная авария, трудный участок на фронте, налоговое решение или бытовой конфликт), в комментарии мгновенно врывается координированный рой из тысяч учётных записей. Забудьте про топорных ботов десятилетней давности с пустыми профилями и одинаковыми фразами под копирку. Сегодняшняя синтетическая личность имеет пятилетнюю историю ведения страницы с фотографиями дачной рассады и домашних котов, пишет с характерными местными словечками жителя Екатеринбурга, Ростова или Курска и подключена к большой языковой модели, генерирующей уникальные эмоциональные реплики на лету. Живой горожанин открывает ветку обсуждения, видит двести яростных панических откликов якобы от своих соседей и невольно замолкает, подавленный иллюзией всеобщего отчаяния. Пятнадцать штатных операторов информационно-психологического центра противника успешно изображают глас миллионного города.

Привычка западной прессы приписывать изобретение «фабрик троллей» исключительно Москве выглядит особенно комично на фоне подлинных архивных документов самого Пентагона и британской разведки. Ещё в феврале 2011 года британская газета *The Guardian* обнару-

жила открытый контракт Военно-воздушных сил США для базы Макдилл во Флориде (штаб-квартиры Центрального командования США) на закупку специализированного программного комплекса управления виртуальными личностями. Техническое задание требовало, чтобы один американский военнослужащий мог одновременно вести до десяти правдоподобных иностранных аккаунтов с защищённой подменой цифровых адресов из любой точки планеты.

Тремя годами позже опубликованные Эдвардом Сноуденом презентации секретного подразделения *JTRIG* в составе британского Центра правительственной связи (*GCHQ*) явили миру полный прейскурант государственных киберманипуляций Лондона: от программ искусственной накрутки онлайн-голосований и подмены посещаемости сайтов до психологических операций по разрушению репутации и семейной жизни неугодных лиц. А в августе 2022 года исследователи Стэнфордской интернет-обсерватории и аналитической группы *Graphika* документально вскрыли многолетнюю тайную сеть фальшивых русскоязычных и среднеазиатских медиапорталов и аккаунтов, управлявшуюся напрямую структурами Пентагона для дискредитации России в Центральной Азии и на Ближнем Востоке. Последующая публикация внутренних архивов корпорации *Twitter* добавила к этой картине пикантную подробность: администрация калифорнийской платформы по официальным спискам американских военных тайно вносила пентагоновских ботов в «белые списки», снимая с них алгоритмические ограничения в те самые месяцы, когда за малейшую симпатию к России безжалостно вычищались десятки тысяч живых пользователей.

Вторым ударным инструментом расшатывания сознания выступает меметическое оружие. Весной 2016 года аккредитованный в Риге Центр передового опыта НАТО в области стратегических коммуникаций открыл первый выпуск своего научного журнала *Defence Strategic Communications* программной работой американского специалиста Джеффа Гизеа «Пришло время взять на вооружение меметическую войну». Вслед за ним военные психологи альянса поставили производство интернет-фольклора на индустриальный поток.

Убойная сила политического мема объясняется тем, что ирония и брезгливость минуют таможенный досмотр рассудка. С аналитической статьёй читатель вступает в мысленный спор; над хлёсткой карикатурой, издевательским прозвищем или коротким вертикальным видео под бодрую музыку человек просто усмехается и пересылает приятелю. Между тем внутри каждой такой шутки спрятана отравленная смысловая капсула. Нельзя преклоняться перед тем, над чем ты только что глумливо посмеялся. Высмеивание подвигов, глумление над историческими святынями, перевод войны и человеческой смерти в плоскость инфантильного комикса выполняют функцию химического растворителя морали.

Зловещий апогей этой технологии мир наблюдал с лета 2022 года на примере сетевого легиона *NAFO*, координированного сообщества западных и восточноевропейских активистов с однотипными собачьими аватарками, которых публично награждали грамотами министры обороны стран Прибалтики и приветствовали американские конгрессмены. Задачей этой стаи стало круглосуточное улюлюканье под любыми сообщениями о гибели российских граждан, от обстрелов донецких кварталов до терактов против мирных людей. Превращая русских в карикатурных сказочных чудовищ и предмет плоских острот, операторы меметической войны решали сугубо военную задачу: вытравить у западного избирателя остатки христианского сострадания, чтобы поставки кассетных снарядов и противопехотных мин воспринимались обывателем в Мюнхене или Чикаго как весёлая видеоигра.

Прачечные спецслужб, постановочный шок и туман синтетических подделок

Для обработки более взыскательной аудитории, не клюющей на примитивные картинки, в западном арсенале выстроена многоэтажная индустрия целевых репутационных казней. Её ключевым изобретением последнего десятилетия стали так называемые «группы гражданских расследователей по открытым источникам». Эталонным образцом этого жанра выступает основанная британцем Элиотом Хиггинсом контора *Bellingcat*, стартовавшая под крылом вашинг-

тонского Атлантического совета, главного интеллектуального штаба НАТО, на прямые гранты Национального фонда в поддержку демократии, министерства иностранных дел Великобритании и европейских правительств.

Перед нами классическая информационная прачечная. Когда американской или британской разведке требуется вбросить в печать оперативный компромат или сфабрикованное обвинение против Москвы, выходить на трибуну директору МИ-6 неудобно: ему резонно потребуют предъявить доказательства и спросят о законности слежки. Гораздо выгоднее передать закрытую выгрузку телефонных переговоров, данные пограничных серверов и снимки с военных спутников в редакцию «независимых энтузиастов». На следующий день мировые газеты от *Der Spiegel* до *The New York Times* синхронно публикуют сенсацию о том, как скромные любители компьютерных игр в домашних тапочках якобы вычислили очередную тайну Кремля с помощью бесплатных поисковиков. Оперативная разработка спецслужб отмыта до блеска и превращена в неоспоримый медийный факт. По идентичным лекалам годами велась и психологическая кампания Всемирного антидопингового агентства против российского спорта: коллективное наказание ни в чём не повинных юношей и девушек, отъём государственного флага и гимна Чайковского на олимпийских пьедесталах били по национальному самоуважению и приучали мировую телеаудиторию видеть в России поражённого в правах штрафника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.